

Багровый крест

A woman in a white and blue nurse's uniform with a stethoscope around her neck stands on the left. On the right, a woman in a brown historical-style dress stands back-to-back with her. A bright, glowing beam of light with crackling energy effects runs vertically between them. The background is a blurred outdoor setting with trees.

Виктор Безматерный

Виктор Безматерный

Багровый кромлех

<https://litres.ru/74087553>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса Кузнецова — обычная медсестра из городской больницы, чья жизнь оборвалась от инсульта. Но смерть стала лишь началом пути. Её душа переносится в тело восемнадцатилетней сироты Розы, живущей на окраине зачарованного леса в мире, где правит магия.

Приняв новую реальность, Алиса быстро понимает: её новый дом сгорел дотла по вине суеверных крестьян, а лес вокруг умирает, отравленный пробуждением древнего демона Комира. Чтобы выжить, ей приходится принять свой дар — первобытную и опасную магию крови, которая связывает её с самым источником жизни и смерти.

Содержание

Глава 1. Последний укол и первое падение	4
Глава 2. Омовение грехов и чужих воспоминаний	18
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Виктор Безматерный

Багровый кромлех

Глава 1. Последний укол и первое падение

Боль. Это было первое, что я почувствовала. Не та тупая, ноющая боль в пояснице после двенадцатичасовой смены, не ноющая мигрень от недосыпа. Это была острая, раскаленная игла, пронзившая затылок и мгновенно разлившаяся по всему черепу жидким огнем. Мир не просто померк — он схлопнулся в одну ослепительно-белую точку, а затем взорвался миллиардом осколков.

Я стояла в процедурном кабинете нашей районной больницы. В нос бил привычный, вьевшийся в стены запах: едкая смесь хлорки, дешевого больничного супа и застарелого страха. В одной руке у меня был шприц с «Милдронатом» для старика Петрова из пятой палаты, в другой — ватка со спиртом. Я даже не успела поднять руку, чтобы сделать укол. Просто стояла, смотрела на его дряблую, покрытую старческими пятнами кожу, и вдруг — этот удар.

«Инсульт», — отстраненно, как будто это случилось не со мной, а я просто читала историю болезни, мелькнула мысль. Профессиональная привычка. Я медсестра с пятнадцатилетним стажем. Я видела это сотни раз. Внезапная слабость, нарушение речи... Но я не могла говорить. Я вообще не могла пошевелиться. Тело стало чужим, тяжелым мешком с костями, который отказывался подчиняться командам мозга.

— Алиса? Ты чего застыла? — голос Петрова доносился словно сквозь толщу воды. Он смотрел на меня с недоумением, смешанным с тревогой.

Я хотела ответить. Сказать: «Кажется, мне нужна помощь». Но из горла вырвался только невнятный хрип. Мир перед глазами поплыл, белый потолок начал медленно вращаться по часовой стрелке. Шприц выпал из ослабевших пальцев и с глухим стуком ударился о линолеум. Я начала падать. Медленно, как в кино. Я видела каждую трещинку на стене, каждую пылинку в луче света из окна. Я видела свое отражение в стеклянном шкафу с лекарствами: бледное лицо, расширенные от ужаса зрачки.

А потом наступила тишина.

Не было никакого туннеля со светом в конце. Не было ан-

гелов с арфами или чертей с вилами. Была только эта оглушающая, звенящая пустота и ощущение полета. Я падала. Или летела вверх? Невозможно было определить направление в этой абсолютной черноте. Не было ни верха, ни низа, ни холода, ни тепла. Только я и мое сознание, отделенное от бесполезной физической оболочки.

«Ну вот и всё», — подумала я с пугающим спокойствием. Сорок лет не такой уж большой срок. Не успела толком пожить. Не съездила в Париж, как мечтала в юности. Не завела детей — всё откладывала на потом, на «когда-нибудь», а потом стало поздно или просто не с кем. Вся жизнь свелась к этим серым стенам, к этим уставшим лицам пациентов и вечной нехватке денег до зарплаты.

Внезапно сквозь черноту пробился звук. Тихий плеск воды. И холод. Ледяной, пробирающий до костей холод.

Я открыла глаза.

Первое, что я увидела — небо. Сумрачное, свинцовое небо, затянутое низкими тучами. Оно было так низко, что казалось, его можно коснуться рукой. Вокруг меня стеной стоял лес. Древний, темный лес с гигантскими соснами, чьи верхушки терялись где-то в серой мгле.

Я лежала на земле. Мокрой, холодной земле у самой кромки воды небольшого лесного озера или болота — не разобрать. Тело била крупная дрожь. Я была абсолютно голой.

«Какого черта?!» — паника ударила в голову с новой силой, мгновенно вытесняя мысли о смерти и посмертии.

Я резко села, обхватив себя руками за плечи в тщетной попытке согреться и прикрыться одновременно. Кожа покрылась мурашками не только от холода, но и от шока. Где я? Что происходит? Это какой-то бредовый сон? Кома? Последняя агония умирающего мозга?

Я опустила взгляд на свои руки и застыла.

Это были не мои руки.

Мои руки были руками взрослой женщины тридцати восьми лет: кожа сухая от постоянного мытья с антисептиками, на костяшках пальцев едва заметные следы от уколов (я всегда колола себе витамины сама), а на левом запястье — маленький шрам от ожога утюгом десятилетней давности.

Руки, которые я сейчас видела перед собой... Они были юными. Гладкая кожа без единой морщинки или пиг-

ментного пятна. Тонкие запястья. Ногти аккуратные, коротко остриженные, но без следа въевшейся грязи под ними. Я провела ладонью по предплечью — кожа была нежной и упругой.

Сердце заколотилось где-то в горле с бешеной скоростью.

— Мамочки... — прошептала я непослушными губами.

Мой голос! Он был другим! Он был звонким, молодым! Не тот чуть хрипловатый голос уставшей женщины средних лет, а голос юной девушки!

Дрожа всем телом уже не только от холода, но и от первобытного ужаса перед неизвестностью, я поднялась на ноги. Голова немного кружилась, но слабость после инсульта исчезла бесследно. Я чувствовала себя... полной сил? Нет, это было не то слово. Я чувствовала себя живой так остро, как никогда раньше. Каждый нерв был натянут как струна.

Я сделала несколько шагов по направлению к лесу, ища укрытие от пронизывающего ветра и хоть что-то из одежды. Ноги утопали во влажном мху. Под босыми ступнями хрустели сухие ветки и шишки.

— Эй! — крикнула я в пустоту леса. Мой голос прозвучал

жалко и одиноко. — Есть тут кто-нибудь? Помогите!

Тишина была мне ответом. Только ветер шумел в кронах деревьев да где-то вдали каркнула ворона.

И тут я услышала это.

— Мр-р-ряу! — раздалось откуда-то сверху недовольное басовитое мяуканье.

Я резко вскинула голову и увидела его. На толстой ветке старой ели сидел огромный черный кот. Просто гигантский котяра размером с хорошую собаку. Его шерсть лоснилась даже в этом тусклом свете, а желтые глаза смотрели на меня с нескрываемым высокомерием и легким презрением.

— О нет... — выдохнула я, отступая на шаг назад и инстинктивно прикрываясь руками еще ниже.

Кот фыркнул так громко, что это больше походило на чих гиппопотама.

— Мадам изволила проснуться в непотребном виде? Как... оригинально с вашей стороны заявиться на мою территорию голышом. Вы всегда так приветствуете незнакомцев?

Я моргнула. Раз. Другой.

— Ты... ты говоришь? — мой голос сорвался на писк.

Кот закатил глаза так выразительно, что это было бы смешно в любой другой ситуации.

— Нет, я мяукаю на чистейшем французском диалекте восемнадцатого века исключительно для глухих попаданок из другого мира! Конечно я говорю! И прекратите уже наконец пялиться на мои усы! У меня безупречная родословная!

Я потрясла головой. Такого просто не могло быть. Говорящие коты? Попаданки? Восемнадцатый век? Мой мозг отказывался это обрабатывать.

— Я... мне холодно... — слова вырвались сами собой, жалкие и беспомощные.

Кот прищурился и окинул меня оценивающим взглядом с головы до ног (и обратно).

— Действительно... Смотреть на вас сейчас — одно удовольствие для кошачьих глаз моей утонченной натуры. Хотя... фигура у вас для вашего возраста весьма неплоха... для человеческого существа.

— Для моего возраста?! — возмущение пересилило страх и холод. — Мне тридцать восемь!

Кот издал звук, похожий на смешок человека.

— Тридцать восемь человеческих лет? О боги... Бедное дитя... В этом теле вам едва ли больше восемнадцати весен по местному летоисчислению. И судя по тому безобразию, которое вы устроили своим появлением...

Он спрыгнул с ветки с грацией хищника и приземлился на землю в паре метров от меня.

— ...вы заняли место моей бывшей хозяйки Розы. Которая имела дурную привычку умирать не вовремя и весьма драматично прямо здесь же.

У меня подкосились ноги, и я снова опустилась на землю прямо в мокрый мох. Холод наконец пробрал до костей окончательно.

— Роза... умерла? А я... я кто тогда?

В этот момент кусты неподалеку затрещали еще громче кошачьего фырканья. Из зарослей орешника выкатилось нечто... маленькое, круглое и очень сердитое.

Это была женщина... наверное... ростом мне по колено. Она была одета в какую-то домотканую рубаху до пят и старый платок на голове. Лицо круглое, румяное, а глаза сверкают гневом из-под кустистых бровей.

— Ишь ты! Распугали всю дичь! Разорались тут! А ну брысь отсюда! — она замахнулась на кота маленькой сухонькой ручкой с узловатыми пальцами. Кот лишь лениво отмахнулся хвостом от её атаки как от назойливой мухи.

Затем её взгляд упал на меня — голую, дрожащую на земле у болота — и гнев сменился глубоким сочувствием вперемешку с профессиональным интересом сельского знахаря к тяжелому случаю помешательства.

— Батюшки-светы! Да ты ж совсем синяя! Замерзнешь

ведь насмерть-то! А ну-ка!

Она проворно подбежала ко мне (насколько это слово применимо к существу её комплекции) и принялась суетиться вокруг меня как курица-наседка над цыпленком.

— Давай-ка вставай-вставай! Неча тут рассиживаться! Вон ветер какой лютый! Застудишь всё самое дорогое!

Она ухватила меня за руку своей неожиданно сильной ручонкой и потянула вверх.

— Да ты ж как ледышка вся! Пойдем-пойдем скорее!

Я позволила ей тащить меня за собой по едва заметной тропинке вглубь леса. Кот Бэрон (я решила называть его так про себя) бесшумной черной тенью скользил рядом с нами по подлеску.

Мы вышли к небольшой поляне, посреди которой стоял дом. Он был словно сошел со страниц старых сказок: деревянный сруб почернел от времени и дождей, крыша поросла мхом до самых труб, а маленькие окошки-бойницы смотрели на мир настороженно и хмуро. Дом стоял прямо у кромки леса, словно прячась от большой деревни за его спиной.

Кузьминична (так звали мою новую маленькую спутницу) толкнула меня сначала на крыльцо, а затем через низкую дверь в темные сени. Здесь пахло сушеными травами (я узнала запах ромашки и мяты), печеным хлебом и чем-то еще... чем-то древним и уютным одновременно — запахом самого дома-старожила.

В самой избе было тепло от огромной русской печи, зани-

мавшей половину комнаты. Кузьминична тут же начала суетиться еще активнее:

— Садись-садись к печи-то! Грейся! Сейчас чаю заварю тебе с малиной да медом!

Она метнулась к лавке у стены и схватила оттуда ворох одежды: длинную льняную рубаху из грубого полотна и что-то вроде сарафана поверх неё.

— На вот пока! Надевай скорее! Роза-то наша... царствие ей небесное... одежду-то оставила хорошую!

Я механически взяла одежду дрожащими руками. Ткань была жесткой после стирки в ледяной воде реки или озера (в доме не было водопровода), но это было неважно. Главное — тепло и прикрытие наготы.

Пока я неловко натягивала через голову рубаху (она доходила мне почти до пят), Кузьминична уже гремела глиняными горшками у печи и бормотала себе под нос:

— Вот ведь беда какая... Опять сирота одна осталась... И как же так вышло-то? Ведьма-то она была слабенькая была наша Роза-то... Кому ж она помешала?

Слово «ведьма» резануло слух даже сквозь шум крови в ушах после горячего чая (который действительно пах малиной). Я села на широкую лавку у печи, завернувшись в старый шерстяной платок поверх рубахи-доспеха (такая одежда казалась мне сейчас самой надежной защитой).

Кот Бэрон запрыгнул ко мне на лавку с другой стороны от печи (с его стороны было теплее) и улегся тяжелым меховым

мешком рядом со мной, обдавая жаром своего тела.

— Ну-с... Полагаю, нам стоит представиться друг другу должным образом? — промурлыкал он мне прямо в ухо так громко, что я вздрогнула. Кузьминична лишь цыкнула на него:

— Цыц ты! Не пугай девку-то больше чем есть! Она ж не в себе совсем!

Бэрон проигнорировал её замечание с истинно аристократическим высокомерием:

— Как я уже имел честь сообщить вам ранее при нашей первой встрече под елью...

Он сделал паузу и облизнул лапу самым невозмутимым образом.

— ...меня зовут Бэрон фон Мяучерингтон Третий (в этом теле). А эту суетливую особу домовую величают Кузьминичной...

— Да какая ж я домовая-то? Я ж при лесе живу! Лесная я дух-хранительница этого места! — возмутилась Кузьминична из своего угла у печи.

Бэрон дернул ухом:

— Какая разница? Суть одна: мелкая деревенская магия на побегушках у смертных...

Кузьминична запустила в него деревянной ложкой для помешивания варенья:

— Ах ты ж паразит усатый! Магия она везде магия! И не тебе чета её хаять!

Я смотрела то на них двоих — говорящего кота-франта и сердитую лесную бабку размером с куклу — то на убранство избы: прятку в углу (настоящую!), рушники с вышивкой по краям полок (отгоняющей нечисть?), пучки трав под потолком...

Это не сон. Это не кома моего умирающего мозга после инсульта там, в больнице сорокалетней медсестры Алисы Петровны Кузнецовой (в девичестве Сидоровой). Это реальность. Жестокая или сказочная — пока непонятно, но реальность иного мира.

Горячий чай наконец начал действовать: дрожь отступила, сменяясь болезненным теплом во всем теле и тяжестью век после пережитого шока.

Бэрон внимательно наблюдал за мной своими желтыми глазами-лампами:

— Итак... Вы здесь застряли надолго... если не навсегда. Тело Розы приняло вас как новую хозяйку души...

Он потянулся всем телом и зевнул во всю пасть:

— ...что само по себе удивительно при вашем-то возрасте души...

Я проигнорировала его шпильку про возраст души (которая задела больше всего). У меня был вопрос поважнее:

— Кто убил Розу?

В избе повисла тяжелая тишина. Даже Кузьминична перестала греметь посудой у печи и обернулась ко мне со странным выражением лица: смесь страха и жалости к неразумно-

му дитяте, которое влезло во взрослые игры со смертью.

Бэрон перестал вылизывать лапу и посмотрел на меня очень серьезно:

— Вот мы и подошли к самому интересному вопросу нашего вечера... Видите ли... Мы не знаем точно *кто*. Мы знаем только *как*.

Он спрыгнул с лавки на пол и подошел ко мне вплотную, глядя снизу вверх своими огромными янтарными глазами:

— Её нашли здесь же... У кромки воды... С широко открытыми глазами... И абсолютно пустая внутри...

Он сделал паузу для драматического эффекта:

— Кто-то выпил её досуха до последней капли жизненной силы через прикосновение к амулету на её шее...

Кузьминична мелко перекрестилась дрожащей рукой:

— Охти мне... Бэрка прав... Демон это был... Злой дух лесной...

Бэрон фыркнул:

— Демон-шмемон... Какая разница как называть того монстра? Факт остается фактом: юная ведьма Роза мертва уже неделю по местному времени... А вы теперь занимаете её место со всеми вытекающими последствиями...

Он запрыгнул обратно ко мне на лавку:

— ...и обязанностями перед этим телом...

Я посмотрела на свои новые-старые руки поверх шерстяного платка Кузьминичны. Руки восемнадцатилетней сироты-ведьмы по имени Роза из дома у темного леса восемна-

дцатого века (или около того).

Тридцать восемь лет жизни Алисы Кузнецовой остались где-то там: за гранью смерти или между мирами... Там осталась моя квартира со старой мебелью из ИКЕА (которую я так долго копила), моя зарплата медсестры (которой вечно не хватало), мои планы посмотреть Эйфелеву башню...

А здесь была реальность: говорящий кот-аристократ по имени Бэрон (которого нужно кормить), ворчливая лесная дух-хранительница Кузьминична (которую нужно слушаться) и тайна убийства предыдущей хозяйки этого тела (которую нужно разгадать).

Потому что если этот «демон» или «злой дух» убил одну ведьму здесь... он может прийти за следующей прямо сейчас же ночью через то же самое окно-бойницу этого старого дома...

И судя по тому холодному озеру у кромки леса... возвращаться мне теперь совершенно некуда...

Глава 2. Омовение грехов и чужих воспоминаний

Сон не шел. Точнее, он навалился тяжелым, душным одеялом сразу же, как только я допила обжигающий чай с малиной и медом, который Кузьминична суетливо подливала мне в глиняную кружку. Я провалилась в черноту мгновенно, стоило моей голове коснуться тощей подушки, набитой сеном и чем-то еще, пахнущим полынью. Но этот сон не приносил отдыха. Он был вязким, липким кошмаром, где я снова и снова падала в процедурном кабинете, видя собственное отражение в стеклянной дверце шкафа — бледное лицо с остановившимся взглядом.

Я проснулась резко, рывком сев на кровати. Сердце колотилось где-то в горле, а рубаша, которую дала мне лесная духохранительница, прилипла к спине от холодного пота. В избе было темно и тихо, лишь угли в огромной печи едва тлели багровым светом, да слышалось мерное посапывание Кузьминичны, свернувшейся клубочком на печной лежанке. Бэрона нигде не было видно — видимо, отправился на ночную охоту или просто счел ниже своего достоинства спать рядом со странной попаданкой.

Тело ломило. Не так, как после смены в больнице, когда гудят ноги от постоянного бега по коридорам. Здесь болела каждая мышца, словно меня накануне били палками. А еще... еще была жуткая, всепоглощающая грязь. Кожа зудела от лесной пыли, мха и той болотной жижи, в которой я очнулась. Запах собственного тела казался мне отвратительным — кислый запах страха и прелых листьев. Мне отчаянно хотелось смыть с себя всё: смерть Алисы, новое тело Розы, весь этот безумный день.

— Хозяйка? Ты чего шебуршишься? — раздался сверху сонный голосок Кузьминичны. Маленькая фигурка свесилась с края печи, щурясь в темноту. — Ночь на дворе. Спи давай.

— Не могу, — хрипло прошептала я в ответ. Голос звучал непривычно для моих старых ушей. — Мне нужно помыться. Очень нужно.

Кузьминична тяжело вздохнула, и этот звук эхом разнесся по тихой избе.

— Помыться ей приспичило... Ну что за мода пошла у нынешней молодежи! То голышом по лесу шастают, то среди ночи баню топить требуют...

Она завозила на печи, спуская вниз свои короткие ножки, обутые в лапти (да-да, настоящие плетеные лапти!), и ловко прыгнула на деревянный пол.

— Ладно уж, горе луковое. Пойдем. Баня у нас во дворе стоит, за сараем. Только тихо ступай, чтоб дом не разбудить.

Мы вышли через сени в прохладную ночь. Воздух здесь пах иначе — остро, свежо. Пахло мокрой землей, сосновой смолой и дымом. Над головой раскинулось небо, полное звезд, каких я никогда не видела в городе. Они висели низко и ярко, словно кто-то рассыпал горсть бриллиантов на черный бархат. Луны не было, но света хватало, чтобы различать силуэты построек.

Двор оказался небольшим, огороженным покосившимся забором. Сразу чувствовалось запустение. Сарай покосился набок, крыльцо скрипело под ногами, а тропинка к бане заросла высокой травой. Сама банька стояла чуть поодаль, темным приземистым кубиком выделяясь на фоне стены леса.

Кузьминична деловито засуетилась вокруг небольшого строения. Она откинула тяжелый полог, заменяющий дверь, и из проема пахнуло сухим жаром и березовым духом.

— Щас-с, погоди маленько, — бормотала она себе под нос, доставая откуда-то из-под лавки связку сухих дров и пу-

чок бересты. — Угольки-то живые, только подтопить надо.

Через пять минут в небольшом предбаннике уже весело трещал огонь в каменке. Кузьминична споро таскала воду деревянными ведрами из кадушки, стоявшей снаружи, наполняя огромный котел, подвешенный над огнем.

— Вот тебе веник свежий, дубовый да березовый впере-мешку, — она протянула мне пышный, ароматный букет веток. — Пар хороший дает, кости правит. Мыло щелочное, сама варила. Полотенце чистое возьми, там, на лавке лежит. И ты это... рубашку свою скидывай тут, нечего пар портить. Потом новую дам, чистую.

Я неловко взяла веник и мыло. Это было самое обычное хозяйственное мыло, серое и твердое, но пахло оно какими-то травами. Оставшись одна, я разделась догола. Рубашку Розы я сложила аккуратно, испытывая странное чувство вины перед её памятью. Казалось неправильным пачкать вещь, принадлежавшую умершей девушке.

Внутри самой бани было тесно. Низкий потолок заставлял пригибаться. Всё было сделано из дерева: темные от копоти бревенчатые стены, широкие полки-лавки вдоль одной стены, каменка в углу. На полу лежали деревянные решетки, чтобы не скользить. Жар уже начал наполнять помещение, сухой и густой.

Я плеснула ковш воды на раскаленные камни. Раздалось громкое шипение, и облако пара взметнулось вверх, окутывая меня теплом. Я закрыла глаза и выдохнула. Как хорошо... Наконец-то тепло по-настоящему. Тепло, которое проникает до костей.

Я начала мыть голову. Густые волосы Розы путались, были тяжелыми. Намыливая их едким мылом, я вдруг почувствовала резкую вспышку боли в затылке. Мир качнулся. Нет, не мир — мои воспоминания. Или чужие?

Перед глазами замелькали картинки, которых я знать не могла. Вот маленькая девочка бежит босиком по зеленой траве, смеется... Затем — холодные серые стены приюта. Жесткие ладони воспитательницы, больно дергающие за косу. «Ведьма! Отродье! Чтоб тебя черти забрали!» И потом — этот дом. Этот самый порог. Высокая фигура мужчины в плаще, который молча передает узелок с вещами испуганной девочке и уходит, не обернувшись.

«Роза...» — имя прозвучало в моей голове чужим, обиженным шепотом. Я схватилась за край деревянного ушата, чтобы не упасть. Вода стекала по лицу, смешиваясь со слезами, которые я даже не заметила. Это были её эмоции. Боль сироты, страх одиночества, глухая обида брошенного

ребенка. Тело помнило то, что разум новой души пытался вытеснить. Магия этого мира, магия крови, хранила отпечаток прежней владелицы.

Стиснув зубы, я принялась остервенело тереть кожу мочалом. Я терла плечи, руки, живот, пока кожа не покраснела, пытаюсь физически соскрести с себя эти чужие, болезненные чувства. Я должна быть сильной. Я взрослая женщина. У меня есть опыт. Я видела смерть, я держала за руку умирающих, я знаю цену жизни. Я не позволю этому телу диктовать мне свои правила.

Когда первый приступ чужой памяти отступил, оставив лишь тупую тяжесть в висках, я решила париться. Забралась на верхнюю полку, где жар был самым сильным, и легла, вытянувшись во весь рост. Дерево приятно грело спину сквозь тонкую ткань простыни, которую я подстелила.

— Эх, хороша жизнь... — пробормотала я вслух, расслабляясь.

И тут же получила подтверждение своим мыслям самым неожиданным образом. Дверь в парную со скрипом приоткрылась, и внутрь вальяжно вошел Бэрон.

— Я так и думал, что найду вас именно здесь, — промурлыкал кот, запрыгивая на нижнюю полку прямо подо мной. Его желтые глаза блеснули в полумраке. — Вы производите

слишком много шума своими душевными метаниями. Даже мертвого поднимете, не то что чуткого кота.

— Бэрон! — возмущенно пискнула я, инстинктивно натягивая простыню выше. — Выйди немедленно! Я... я голая!

Кот издал низкий, утробный смех, похожий на рычание маленького тигра.

— Мадам, вы находитесь в бане. Логично предположить, что одежды на вас нет. Кроме того, анатомия человеческого тела не представляет для меня никакого эстетического или научного интереса. Я видел коровьи туши, освежеванные мясником, и они вызывали у меня больше аппетита, чем ваш розовый скелет под кожей. Так что давайте оставим ложную стыдливость и перейдем к делу.

Он демонстративно почесал за ухом задней лапой.

— Я пришел сообщить вам пренеприятнейшее известие. Пока вы тут предаетесь водным процедурам и сентиментальным переживаниям о судьбе бедной Розы, реальность не дремлет. Завтра утром сюда явится староста деревни, господин Пафнутий.

Имя прозвучало так комично, что я невольно фыркнула, несмотря на серьезность момента.

— Зачем?

— Чтобы выразить соболезнования, конечно, — Бэрон

зевнул, показав внушительный набор клыков. — Официальная версия гласит, что Роза скончалась от грудной жабы. Сердечный приступ, знаете ли. Никто в деревне не должен знать правду о том, что её выпили досуха. Паника нам ни к чему. Староста принесет стандартный продуктовый набор для вдовы/сироты: мешок картошки, крынку молока, пару яиц. Возможно, краюху хлеба, если урожай был удачным.

— Но я не вдова и не сирота... в том смысле... — я запуталась.

— Вы — Роза. Для них вы — юная ведьма-отшельница, живущая на отшибе. Ваша репутация оставляет желать лучшего. Вас боятся, вас сторонятся, но ваша смерть обязывает их проявить формальное уважение к традициям. Завтра вы должны сыграть роль убитой горем сироты. Скромно опущенные глазки, дрожащий подбородок, тихий голос. Справитесь?

Я задумалась. Играть роль? После стольких лет честного труда, где каждое лекарство должно быть выдано строго по назначению, а каждый укол сделан точно в срок? Обманывать? Но... разве у меня есть выбор? Правда о демоне напугает их до смерти, и тогда помощи ждать будет неоткуда.

— Попробую, — твердо сказала я, садясь на полке. — Я умею быть убедительной. Когда пациент боится укола, я

умею его успокоить.

Бэрон презрительно дернул усами:

— Пациенты — это одно. А деревенский староста с лицом цвета переваренной свеклы — совсем другое. Впрочем, выбора у вас действительно нет. Главное правило: молчите. Говорить буду я. Ваше дело — кивать и выглядеть жалко.

С этими словами он грациозно спрыгнул с полки и направился к выходу.

— Эй! — окликнула я его. — Почему ты помогаешь мне? Ты же терпеть не можешь людей... то есть, человекообразных.

Бэрон замер в дверях, обернув ко мне массивную голову.

— Потому что, дорогуша, — его голос стал тише и серьезнее, — убийца Розы нарушил мой покой. Я жил здесь веками, наблюдая за сменой поколений этих смертных букашек. А теперь какой-то выскочка-демон решил, что может безнаказанно убивать тех, кто находится под защитой этого дома и моего проклятия. Это вызов. А я очень не люблю, когда мне бросают вызов.

Он исчез за дверью, оставив меня одну в облаке пара. Я снова легла на горячую полку, уставившись в закопченный потолок. Итак, завтра визит. Визит человека, который наверняка знал настоящую Розу. Что, если он заметит подмену? Что, если он сам причастен к её гибели?

Новая волна паники накрыла меня, но я подавила её усилием воли. Медсестра Кузнецова не имеет права на истерику. Нужно мыслить логически. Первое: визит старосты. Второе: поиск информации. Третье: выяснить природу магии этого тела. Кровь. Тот цветок в лесу вырос от капли моей крови. Значит, сила Розы напрямую связана с жизненной эссенцией. Именно поэтому демон смог её выпить. Он искал источник силы.

Я решительно встала. Хватит лежать. Время действовать. Я спустилась вниз и взяла в руки дубовый веник. Если это тело обладает магией, я должна научиться ею управлять. Хотя бы на базовом уровне. Я должна понять, как работает эта «бытовая химия», о которой говорила Кузьминична.

Я снова плеснула водой на камни, создавая густое, влажное облако пара. Глубоко вдохнула терпкий, древесный воздух. Закрыла глаза. Представила, как тепло проникает в мышцы, как энергия течет по венам вместе с кровью.

— Давай же, — прошептала я, сжимая рукоять веника так сильно, что костяшки пальцев побелели. — Покажи мне. Покажи, на что способно это тело.

Я подняла веник и несильно ударила им по своей руке. Ничего. Просто прикосновение дубовых листьев. Я стукнула

сильнее, вкладывая в движение раздражение и желание доказать самой себе, что это возможно.

Внезапно листья веника вспыхнули мягким, зеленоватым свечением. Всего на долю секунды. Я моргнула, думая, что мне показалось от жара. Но ощущение осталось — легкий электрический разряд, пробежавший от рук к плечу.

Я опустила взгляд на веник. Обычные ветки. Никаких следов магии. Может, это просто статическое электричество от сухого воздуха и шерстяной ткани? Я сделала глубокий вдох, успокаивая бешено колотящееся сердце. Спокойно, Алиса. Без паники. Ты сейчас похожа на ту первокурсницу-медичку, которая впервые увидела вскрытие и упала в обморок. Соберись.

Решив, что на сегодня экспериментов достаточно, я быстро закончила мытье. Ополоснулась чистой водой из другого ушата, вытерлась жестким льняным полотенцем докрасна и надела чистую одежду, оставленную Кузьминичной — такую же простую рубаху, но пахнущую травами и солнцем, а не сыростью.

Вернувшись в избу, я обнаружила, что Бэрон уже вернулся и теперь величественно восседал на столе, наблюдая за спящей на печи Кузьминичной.

— Нагулялся? — спросила я, проходя к своей лавке и за-

бираясь под теплое одеяло.

— Наблюдал, — поправил он, не отрывая взгляда от окна-бойницы, за которым начинал заниматься серый рассвет. — За лесом. За тропами. За тенями. Кто-то ходил ночью возле озера. Следы свежие. Размер обуви большой. Мужские сапоги.

Сон как рукой сняло. Я села на кровати.

— Демон?

— Возможно. Или тот, кто призвал демона. Или просто браконьер, которому не спится. В любом случае, мы больше не одни в этом лесу. Будьте осторожны, Алиса... или как вас там на самом деле зовут.

— Зови меня Алиса, — попросила я, кутаясь в одеяло. — Имя Роза... оно принадлежит другой. Той, чью боль я сегодня смывала с кожи.

Бэрн медленно повернул ко мне свою огромную голову. В его янтарных глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Хорошо, Алиса. Пусть будет так. Но помните: для всего остального мира вы — Роза. Сирота. Ведьма. И завтрашний день станет вашим первым испытанием на прочность.

За окном светало. Начинался новый день. Мой второй

день в этом мире. День, когда мне придется встретиться лицом к лицу с прошлым девушки, чье место я заняла, и сделать первый шаг навстречу разгадке тайны её смерти. Я легла обратно на подушку, чувствуя, как усталость берет свое. Но перед тем как окончательно провалиться в сон без сновидений, я успела подумать о главном.

Если кто-то убил Розу ради её силы... значит, скоро этот «кто-то» поймет, что сила вернулась. И тогда он придет за ней снова. Уже за мной.

А я, тридцативосьмилетняя медсестра из городской больницы, совершенно не готова к встрече с настоящим демоном. Но у меня нет выбора. Придется учиться. Быстро. Потому что следующий гость может оказаться не болтливым котом или ворчливой домовихой, а тем самым существом, что высасывает жизнь одним касанием амулета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.